

\* \* \*

Удивительно пахнет дождём —  
воздух соткан из влаги и воли,  
жадно дышишь и веришь с трудом,  
что сугробы мы перебороли.

А зима бесконечной была,  
опостылело это убранство —  
как посмертная маска бела  
затвердевшая корка пространства.

Девять месяцев – гипсовый гнёт,  
воздух в струнку, деревья ни шагу,  
и казалось, что кончится год  
и земля под снегами умрёт,  
не всосав животворную влагу.

А теперь – до ростка, до комка  
глинозёма – всё дышит весною,  
и течёт как ночная река  
в отраженьях асфальт подо мною.

И безумный, казённый, любимый  
город, вырванный из-подо льда,  
и машины, летящие мимо,  
одуревши, не зная куда,  
в гром, в жару, где сирени в пыли, –  
всё омыто прозрачной водою,  
всё омыто водой молодой,  
властным запахом мокрой земли.

1976

\* \* \*

Земля моя, моя родная,  
в снегу, бетоне и стекле –  
и всё-таки такая земляная,  
как и положено родной земле.

Всё, что в тебя вминали сапогами,  
что грейдера отвалами скребли,  
открылось в нас, нет – больше – стало нами,  
живую памятью земли.

Что ждало нас – бредовая наука,  
ночной кошмар, облипший наяву,  
полупустых аудиторий скука,  
профессора со стажем ГПУ.

По вечерам неряшливость прилавка,  
свет неживой струится со стены,  
в мясном отделе часовая давка –  
глаза опущены и скулы сведены.

А слева за окрашенной решёткой  
в нетопленном отсеке угловом  
теснятся мужики за водкой  
и прячут шкалики за рукавом.

Где родина, где купола золотые,  
концерты, выставки, разъездов кутерьма? –  
Продмага три ступеньки ледяные,  
над входом лампочка, на улице зима.

Так как же эта чёрная громада –  
оранжевые окна в вышине –  
удерживается от распада,  
глядит хоккей из Ленинграда,  
когда гореть пристало ей в огне?

.....

Но если кровь течёт не как руда –  
твердея, каменея, пламенея –  
перегнаны сквозь сердце вместе с нею,  
встают в былом величье города.

Тогда над деревцами, колеями,  
бетонными коробками жилья  
восходят храмы, блещут куполами,  
безгласыми гудят колоколами,  
и это память, это кровь моя!

1979

\* \* \*

Сколько тут домов снесли  
под один замах,  
лишь проплешины земли –  
память о домах.

Взялся поздний снегопад  
выбелить дотла  
пустоту, где год назад  
жизнь своя текла.

Паром дверь заволокло –  
вход по одному –  
застоялое тепло  
плещется в дому.

Газовых конфорок пыл,  
жар кухонных ссор.  
А какой тут запах плыл  
за окно во двор!

Коридорной лампы свет  
жалко оголён.  
На стене велосипед  
косо закреплён.

В белом воздухе пустом  
в двадцать пять венцов  
высится снесённый дом  
без своих жильцов.

Словно струи сквозь золу,  
в землю, в корни трав,  
все они ушли во мглу,  
слова не сказав.

1978

\* \* \*

По жухлым травам просеки сквозной  
летит тяжёлый ветер земляной  
и листья пред собою гонит валом –  
зелёную апрельскую тщету.  
Они разваливаются на лету  
и бьются ураганом обветшалым,  
не покрывая дёрна наготу.

А в вышине воздушное движенье –  
торжественно рождается весна –  
клубятся тучи, ширится свеченье,  
и растекается голубизна.

И птицы рвутся в светлые проёмы,  
и прутья тычут почки в вышину,  
и кажется, что отголоски грома  
бесповоротно утвердят весну.

В гранитном парке сталинских домов,  
чьи капители расцвести готовы,  
фосфоресцирующий свет лилов  
и мостовые мокрые лиловы.

И над слепой доверчивой весной  
летит тяжелый ветер земляной,  
окрашенный свечением лиловым,  
валы листвы уже изнемогли,  
и только руки тянутся с земли,  
туда, где птицы развернулись снова  
и за покров сияющий ушли.

1976

\* \* \*

Я в мир отражений войду,  
в зелёные кущи забвенья —  
и будет как в нашем саду  
просторным листвы шелестенье.

Она не успела отечь —  
громада ветвистая эта,  
покамест не сбросила с плеч  
дождливую музыку лета.

Но длится зелёная мгла,  
но солнце в любое мгновенье  
ударит в верхушку ствола  
в разгар трепетанья и пенья.

.....

Москва окунулась в листву,  
в сиреневый воздух незрячий —  
Москва покидает Москву  
и за город рвётся на дачи.

1978

## ОДА ПУСТЫРЮ

Зажатый стройкой с четырёх сторон,  
он неизменно в небо обращён.  
Поёт железо на высокой ноте,  
жарюю пышут корпуса машин,  
а он застыл в могучем развороте  
спрессованных на солнцепёке глин.

Клочок земли измусоренной, бедной  
курчавится ромашкою целебной,  
и одуряет травяной настой,  
настоянный прогретой высотой,  
и запах подымается к листве,  
такой же цепкой, чахлой, пропылённой,  
и – на Кольцо – и льётся по Москве,  
отвалами бульдозеров снесённой,  
грузовиками за город сvezённой,  
в пожарном оцеплении сожжённой.

Из кирпичей фундамента трава  
Выглядывает с видом торжества.  
На щит ромашки встала синева,  
и нет опоры крепче и просторней,  
чем кирпичи, соплодия и корни,  
которыми чем дальше, тем упорней,  
девятый век уже жива Москва!

1977

\* \* \*

Остановился воздух. Стебли трав,  
и зонтики душистые цветов,  
и ветки ароматного жасмина,  
и старого шиповника гряда,  
настой земли, на солнце разогретой –  
все запахи как будто напряглись,  
слились в один, утратили все свойства.

Образовался плотный щит воздушный,  
замешанный на мощной светотени,

и небо положили на него:  
огромный материк и океаны,  
в лазури огненные острова,  
пылающая над землёю карта!

В нагретом электрическом пространстве,  
пульсируя копилось напряжение.  
Умолкли птицы, лес обезголосел,  
теперь стояла тишина такая,  
что кажется, вот-вот расколет небо  
мгновенный ослепительный разряд.  
Сетчатка глаза выцветет, когда  
вернётся зренье – поздно, не заметишь,  
как две плиты сомкнутся по разлому.

Мгновенье напряжения. Минута  
мучительного чудного настроения!  
Две, пять минут... Вдруг карта неба гаснет,  
проносятся стрижи, идёт прохлада,  
а небо выцветает, вечереет,  
и делается бледно-голубым.  
Уже запахло свежестью ночной,  
и потемнели елей силуэты,  
и в светлое открытое окно  
ко мне ночная бабочка летит.

1976

## ПЕРЕД РАССВЕТОМ

*Памяти отца*

Что на тело смотришь ты, душа,  
сторожишь пустую оболочку,  
в памяти события вороша,  
теребя имён и лиц цепочку?

Каково тебе сидеть одной  
в зале с голым светом посредине,  
в страшной невесомости земной,  
в кафельной сверкающей пустыне?

А над толщей сводов и палат,  
там, куда крыла твои воздеты,  
зимние созвездия горят  
и, пылая, движутся планеты.

И о чём-то ангелы поют –  
ты ещё не поняла ни слова,  
ты, томясь и сокрушаясь тут,  
вся во власти языка земного.

Ты ещё не поднимаешь взор,  
ты ещё сидишь осиротело,  
не решаясь вознестись в простор,  
в звёздный мир из своего придела.

1976

\* \* \*

Я не могу остановить ресницы,  
глаза и волосы. Но я могу  
запрятать вглубь исписанной страницы  
двухцветный талый воздух на снегу.

Я запихну весь разворот пространства,  
деревьев щётки и полёты птиц,  
чтоб сохранить на веки постоянство  
застывших в этом воздухе ресниц.

Ты так далёко, ты за город целый,  
за жизнь – свою, которая родней, –  
за провода троллейбусов, за белый,  
предсмертный снег с газонов площадей.

Жизнь подступает чёрною весною,  
и даль перегоревшая грустна.  
И вот она стоит передо мною,  
как чудеса тревожная, весна.

1973

\* \* \*

Что делать мне – дождливый воздух пуст,  
такой щемящий и такой прозрачный,  
как тот вишнёвый невесомый куст,  
вчера расцветший у ограды дачной.

А дождь прошёл, и все сады в цвету,  
и брезжит вечер в лепестковой гуще,  
как будто въяве видишь пустоту,  
объемлющую этот рай цветущий.

1976

\* \* \*

Вода стоит. И облака  
по грудь уходят в воду. Веток ивы  
касаются. Река нетороплива,  
и вечность зелена и глубока.

А там на убегающих холмах  
огромный мир залит кипящим солнцем,  
и потемнев, и с ужасом в глазах  
большая туча в стан грозы несётся.

Как нестерпимо блещет море крыш  
всё в оловянных, мёртвых вспышках света.

.....

Ты на плече моем тихонько спишь  
в вагоне поезда, летящего сквозь лето.

1973

\* \* \*

*М. Лукичёву*

Есть в первом настоящем снегопаде  
какой-то грустный преизбыток сил.  
Вы посмотрите – он не то что за день,  
за полчаса весь мир преобразил.

И вот уже во двор выходят дети  
и тычут в снег лопаткой для песка,

и скатывают ком, второй и третий –  
и ставят с торжеством снеговика.

И всё стихает, словно это сад  
в глуши, а не в полметре от движенья,  
и ветки невесомые парят,  
как вишни в мае в первый день цветенья.

Глаза закроешь – до чего светло!  
А небо нависает тяжело  
над жёлтыми разбухшими домами,  
над пэ-образным вырезом двора.

Теперь пойдут такие вечера,  
и только снег пребудет вместе с нами.

1976

## БЛАГОДАРЕНИЕ

Строй деревьев в преддверье заката –  
луч с верхушки на землю упал,  
день огромный, как будто кантата,  
разрастается в светлый финал.

И в наплывах зелёного света,  
словно в сонном спокойствии вод,  
к равноденствию движется лето,  
и зелёное солнце плывёт.

И бескрайно уже славословье,  
но все ширится, ширится хор,  
завершая, скрепляя любовью  
все разрозненное до сих пор.

И в блаженные эти мгновенья  
всё мне кажется – это за нас  
мир громадный и полный значенья  
превращён в благодарственный глас.

1973

## ЗИМА НА АРБАТЕ

Вот я опять на улице старинной,  
слоистый снег идёт с рассвета дня,  
и запах новогодний, мандаринный  
под скрип шагов преследует меня.

Но я не вынесу с граненой формой спора –  
пускай войдут в чередованье стоп  
заснеженные шишаки забора,  
еловой веткой машущий сугроб.

И я скажу: осыпалась рябина  
и ягоды краснеют на снегу.  
Нагнусь, носком ботинка пододвину –  
рябина? Да, рябина на снегу.

А снег идёт, а снег летит крылато,  
всё шире, всё сильнее – заносит он  
оконницы особняков Арбата –  
московских переулков сон.

А снег летит, как будто из придела,  
где звёзды высятся, сокрыты пеленой.  
И потому такой холодный, белый,  
наполненный колючей тишиной.

\* \* \*

О, Господи, великолепный день –  
какое солнце светит над домами!  
Москва блаженствует – ей даже думать лень –  
укрытая глубокими снегами.

Морозный ангел реет над Москвой,  
и крылья блещут розовым и синим.  
Небесной надышавшись синевою,  
по воздуху скользят разини.

Они плывут в универмаг большой,  
цепочкой чёрною над снегом бирюзовым,  
и взявшись за руки, и с чистою душой  
несут оттуда светлые обновы.

А там, поверх их задранных голов,  
храня в полёте ряд и расстоянье,  
такси летят, светлея меж стволов,  
вмерзающих в холодное сиянье.

Прозрачно время, видно даже дно,  
секунды бьются подо льдом непрочным  
и вот скопились; и сейчас оно  
прольётся родником проточным.

И пахнет дымом – но откуда дым,  
откуда знак тепла и расставанья,  
над городом блаженно-голубым,  
над мощным кругом пенья и сиянья?

*1976*